

Романы о бандитской любви

Владимир
КОЛЫЧЕВ

АДСКИЙ РАЙ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© KDdesignphoto, Victoria Chudinova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кольчев, Владимир Григорьевич.
К60 Адский рай / Владимир Кольчев. — Москва :
Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-171454-3

Старший опер Олег Пахомов собрался отдохнуть на море, а заодно навестить друга, живущего в курортном городке. Веселая дорога, симпатичные попутчицы... Однако отпускное настроение Пахомова омрачается неприятной новостью: друг бесследно исчез. Местная полиция не горит желанием найти пропавшего человека, и тогда майор решает действовать в одиночку. Местным криминальным боссам очень не понравилось, что столичный сыщик повсюду сует свой нос. И вот один состоятельный тип, возомнивший себя безграничным хозяином побережья, решает убрать настырного майора...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171454-3

© Кольчев В. Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Выходишь из машины, вытаскиваешь из багажника чемоданы, со всей поклажей тащишься к поезду в разнонаправленном людском потоке, лавируешь, весь в напряжении. У вагона становишься в очередь, предъявляешь билет и документы проводнику, с багажом по узкому коридору подползаешь к своему купе. И все в темпе вальса — не быстро, но и не медленно. Путь неблизкий — нужно разместиться, расположиться, переодеться. Но вся эта чехарда уже позади. Можно спокойно сесть и облегченно вздохнуть. И настроиться на курортную волну. Это в Москве прохладно, тучи по небу ходят волчьими стаями, а на юге — солнце, жара. И море!

Но море будет только завтра, а отпуск уже начался. Предстартовая беготня позади, в наличии — двухместное купе класса «люкс», в планах на самое ближайшее время — симпатичная соседка. Бутылка хорошего коньяка на всякий случай припасена. Сначала вагон-ресторан, а потом уже уютные посиделки на двоих.

Олег Пахомов уже вышел из того возраста, когда его привлекали юные девушки. В свои тридцать шесть лет он с тем же интересом относился к молодым и не очень женщинам, а это хоть и незначительно, но все же увеличивало шансы на приятное соседство.

Дверь открылась, и в проходе, в ореоле дневного света перед ним предстала русоволосая девушка незаурядной внешности. Волнующая линия от бровей к носу, пышные от природы ресницы, голубые глаза, маленький, чуточку вздернутый носик, веселые ямочки на щеках, изящные губки, белозубая улыбка. Тонкие лямочки сарафана облегли красивые ключицы, а струящиеся к плечам волнистые волосы подчеркивали гибкость в меру длинной шеи. Яркие от природы глаза весело искрились, юный восторг в них и наивная радость ожидания. Казалось, девушка только что вырвалась из какого-то глухого забытья в большой шумный мир, который нужно было как можно скорее познать и освоить. А может, она просто радовалась тому, что поезд увезет ее из пасмурной реальности в солнечное лето. И еще в ее взгляде Пахомов уловил интерес к собственной персоне. И понял, что путешествие в компании с этой особой может стать самым ярким событием за весь отпуск.

— Ева! Не сюда!

Сначала послышался мужской голос, а потом за спиной девушки появился и его обладатель. Невысокий шуплый мужчина протискивался между девушкой и окном, один чемодан он нес на вытянутой

руке, а другой катил за собой. Вместе с багажом он увлек за собой и Еву. Олег слышал, как громыхнула дверь в купе неподалеку.

Вот тебе и яркое событие. Путешествие на юг еще толком не стартовало, а обломы уже начались.

Олег вышел из купе, встал у окна, глянул в сторону, куда скрылось чудное создание. Ева не заставила себя долго ждать. Она вышла из купе все в том же сарафане с открытыми плечами. Яркая, фееричная, восторженно-наивная. Она поймала его взгляд, весело улыбнулась, но тут же в легком смущении отвела взгляд в сторону. Из купе вышел мужчина лет тридцати пяти — лохматый, лопухий, горбоносый, с лицом нездорового цвета. Ни лицом не вышел, ни статью... И как это Ева с ее внешностью умудрилась выйти за него? Или он ей не муж? Может, отец? Или брат?..

Горбоносый зыркнул на Олега и, схватив Еву за руку, затащил ее в купе. И ревность в его взгляде была направлена не столько конкретно к Олегу, сколько ко всем мужчинам, на которых могла заглядываться Ева. Видимо, Пахомов далеко не первый, кто заинтересовал эту ясноглазую диву.

* * *

Курица, завернутая в газету, яйцо в кулке, соль в спичечном коробке, огурцы, помидоры. Все это, конечно, хорошо, но почему-то раздражает. И все же улыбка не сходит с лица. Заряд хорошего настроения не иссяк, а стремительное движение по-

езда еще и поддерживает его. Впереди море соленой воды и океан восторга. Ева еще никогда не видела моря, но уже полюбила его. Всей душой полюбила. А когда окупнется, то полюбит еще и телом.

— Кушай! — Федор оторвал от курицы ножку и протянул ей.

Она кивнула в знак благодарности, взяла ножку за косточку. Зубы легко пронзили прожаренную до хруста шкуру, но увязли в жестком мясе. Курица домашняя, взрослая, а потому жуется туго. У магазинных бройлеров мясо и мягче, и вкусней, но Федора в этом не убедишь. У него все должно быть свое. Свой самогон, свое сало, свои огурчики, своя закатка. И в отпуск он отправился со своей молодой женой.

Федор — мужчина зажиточный. У него и земли не одна сотня гектаров, и домашнее хозяйство — более чем: скотина, птица, огород — мало не покажется. До недавнего времени он был первым женихом на деревне, это Еву и прельстило. А что? Дом у него большой, кирпичный, и машина — ни у кого лучше нет. Все подруги ей завидовали, когда она за Федора выходила. И он таким важным казался. Шутка ли, самый богатый мужик на всю округу.

А после свадьбы начался медовый месяц, и Ева впервые приехала в Москву. В городе она провела не больше двух часов, но успела впечатлиться масштабами. А какие здесь мужчины! На каких они ездят машинах! А как одеты! И как здорово выглядят! Федор на их фоне — жалкий неудачник. Не зря же в нем ревность разыгралась. Осознал свою ущерб-

ность, и злость его взяла. Хмурится, смотрит исподлобья. А Ева что-то не хочет верить его в том, что ей нужен только он. Она и раньше так не думала, а сейчас тем более... Ошиблась она с мужем, что уж тут говорить. Может, это и не роковая ошибка, но хочется ее поскорее исправить.

— Скажу, чтобы чаю принесли!

Ева положила куриную ножку на стол, поднялась, оправляя сарафан, шагнула к двери.

— Сиди, я сам!

Федор хотел ее опередить, но Ева первая вышла из купе. И по коридору — к проводнику, мимо купе, в котором затаился интересный мужчина.

А дверь в купе открыта. И мужчина на месте. Сидит, скрестив на груди руки, о чем-то думает. Увидел Еву, взбодрился, с затаенным интересом глянул на нее. Но даже не шелохнулся, чтобы выйти из купе вслед за ней. А ведь его никто не держал. Он один в купе — ни жены, ни соседей. И обручального кольца на пальце у него нет. Золотая печатка есть, а кольца нет.

Печатка у него массивная, дорогая. На крупном крепком пальце печатка. А толстая золотая цепь украшает мощную шею. От него и от самого веет силой и цепким обаянием. Вряд ли он младше Федора, но как же он хорошо выглядит по сравнению с ним. Федор — пропитанный духом земли мужик, а этот не похож на семижильного работягу, но и неженкой его не назовешь. Мощный, матерый, наэлектризованный. Черты лица жесткие, взгляд сильный, но мягкий. Широкие скулы, крепкий

нос, волевой подбородок — все как у мужчины со стальным стержнем внутри. Но при всей его внутренней матерости в нем чувствовалось и нечто интеллигентное. И одевался он хорошо. Вроде бы все, как у Федора — футболка, шорты, но по качеству эти вещи не сравнишь. Один покупал себе обнову в сельпо, а другой — в фирменном бутике. Глаз у Евы не наметанный, но очевидное она замечает. Отличие просто в глаза бросается.

Ева сходила к проводнице, заказала пару стаканов чая, на обратном пути бросила взгляд в пятое купе. Мужчина на прежнем месте, а мог бы и пересесть, повернуться к ней лицом. И не улыбнулся, и не подмигнул. Но все же она заметила интерес в его глазах. А как он смотрел на нее, когда она переступила порог его купе. Она же помнила, как он обрадовался. Но, видимо, он заметил обручальное кольцо на ее руке. И мужа он тоже видел. Может, потому и потерял к ней интерес. Он хоть и крутой с виду мужик, но чувствуется, что не хам какой-то или наглец. Видимо, он не считает нормальным волочиться за женой при живом муже. Все это правильно. Но все равно обидно.

Ева вернулась в купе, но дверь закрывать не стала. Это сделал за нее Федор. Она глянула на него с легкой улыбкой на губах. Ревнует. А зря. Она не собирается изменять ему, во всяком случае, до тех пор, пока не разведется и снова не выйдет замуж. А как можно изменить старому мужу с новым?

— О чем думаешь? — спросил Федор, с подозрением глядя на нее.

— Чаю хочу. — Ева взяла яйцо, стукнула острым концом по столу.

— Из соседнего купе чаю?

— Почему из соседнего?

— Да видел я, как ты туда заглядывала. Там что, медом намазано?

— Медом? Да нет. Пасечник есть, а меда нет, — весело сказала она.

— Пасечник?

— Ну, ты про мед спросил, а я про пасечника сказала. Крутой такой мужик.

— Крутой?! — напыжился Федор.

— Мне нравится.

От возмущения он потерял дар речи, а глаза округлились от натуги.

— Ну, то, что он крутой, нравится, — улыбнулась она. — Смотрю на него и понимаю, что ты не трус.

— Что?!

Еве показалось, что Федор сейчас подавится воздухом, который жадно схватил ртом.

— Ты же не захотел лететь на море самолетом, вот я и подумала, что ты трус.

— Я трус?!

— А теперь смотрю на этого, ну, на пасечника... Он же не трус, а едет поездом. Значит, и ты не трус.

— А почему это он не трус?

— Не знаю, — пожала плечами Ева. — Мне кажется, такой мужчина не может быть трусом.

Федор не выдержал, вскочил с места, даже замахнулся на нее.

— Женщину может ударить только трус! — сказала она, стараясь скрыть свой страх.

— А если ты не женщина! Если ты язва?!

— А ты должен любить меня любую! — раззодрилась Ева.

Но, заметив, как вспыхнули глаза Федора, пожалела о своих словах.

— Любить?!

— Любить, — едва слышно сказала она.

— Ну, хорошо.

Федор навалился на нее, задрал подол, и она едва удержалась от желания оттолкнуть его. Но удержалась. И не оттолкнула. Все-таки она жена, а он муж, и у него есть право. А от нее не убудет...

И все-таки ноги Ева раздвигала в ожидании чудесного избавления. Было бы здорово, если бы дверь вдруг распахнулась и крутой мужчина из соседнего купе вытащил ее из-под распаленного мужа. И забрал бы к себе.

А в дверь вдруг постучались. Федор соскочил с Евы, сам opravил на ней сарафан и открыл. Но в купе вошла проводница с чаем.

Когда она ушла, Федор снова полез к Еве, но на этот раз она оттолкнула его на законном основании. Сначала чай, потом все остальное. Наверное...

* * *

Станция Кефаль, стоянка три минуты. Впрочем, вагон покидало всего три человека — Олег, Ева и ее муж.

Ева — девушка уникальная: всегда в хорошем настроении, улыбка не сходит с ее лица. Ей бы еще ума побольше, цены бы тогда не было. Ну, нельзя же так стрелять глазами в мужиков при живом-то муже: и некультурно, и чревато.

— А вы тоже в Кефаль? — Ева весело смотрела на Пахомова.

Она привечала его своей улыбкой, но взглядом при этом не ласкала, тем более не облизывала, как это могут делать помешанные на сексе дамочки. Но и от горяченького Ева бы не отказалась. Не сразу бы, но согласилась. Уж в ком в ком, а в людях Олег разбирался. Не первое десятилетие в уголовном розыске.

— Тоже.

— Держитесь от нас подальше! — Горбоносый обошел Еву и встал между ними.

— Вот и я говорю, не толпитесь возле выхода, — усмехнулся Пахомов.

Он-то вышел в тамбур только что, а Ева с мужем уже полчаса как здесь. Боятся не успеть.

Поезд окончательно остановился, проводница открыла дверь.

— Федор! — засуетилась Ева.

И проводница загораживала ей выход, и чемоданы. Проводница, недовольно качнув головой, вышла из вагона, Ева выскользнула вслед за ней, Федор нервно схватился за багаж.

Пахомов не суетился, но вышел быстро. И все же Федор оказался быстрее. Он со своими чемоданами развил такую скорость, что Ева едва поспевала за ним.

А шла Ева, оглядываясь на Олега. И даже взглядом просила его поторопиться. Но Пахомов не спешил. И у него чемоданы были на колесиках, но убежать ему ни от кого не приходилось. Он неторопливо поднялся по лестнице перехода, с высоты которого можно было увидеть море. Но живописная картина мало заинтересовала его. Честно говоря, настроение у него неважное.

Олег мог бы взять путевку в министерский санаторий, но его позвал к себе старый друг, и он не смог отказаться. У Димы Мулярова свой дом в Кефали, жены у него нет, любовницы надолго не задерживаются, в общем, вариант, близкий к идеальному. Еще вчера Дима был на связи, а сегодня вдруг пропал. Он должен был встретить его на перроне, но Пахомов на это уже не рассчитывал. Если телефон молчит, значит, с Димой что-то случилось. Может, в запой ушел? Увы, но иногда с ним это бывало. Еще в Москве началось, до того, как он в Кефали обосновался.

Дима в свое время очень хорошо поднялся на торговле водой. Кто-то делал деньги из воздуха, а он — из воды. Он не добывал влагу, не бутилировал ее, а управлял товарными потоками, снимая с процесса свой процент. И так хорошо у него это получалось, что счет его прибыли пошел на миллионы. Но потом возникли проблемы, одни поставщики сами стали налаживать каналы сбыта, других перехватили конкуренты. Дима решил заняться собственным производством, но очень быстро понял, что созидание не для него, и отошел от дел. А тут еще жена загуляла...

Городскую квартиру и дом в Подмосковье Дима оставил жене, а сам перебрался в Кефаль. Года три-четыре назад он поставил здесь особняк на первой линии от моря и с тех пор живет в свое удовольствие на дивиденды от успешных капиталовложений. И если жалуется на что-то, то на скуку. Может, потому и позвал к себе на отдых старого друга. Намекал, что женщины у него закончились, надо бы отправиться на свободную охоту за красивыми курортницами. Олег тоже холостяковал, и мысль о такой охоте вдохновила его на путешествие. Жаль только, что Ева — не та дичь, которая могла бы его устроить. Вот если бы она ехала на море с подружкой, а не с мужем, тогда бы он и не раздумывал.

А Ева приехала на курорт с мужем, который, судя по всему, ее мало устраивает. Так думал Олег, поэтому и не удивился, увидев, как Ева сыплет искрами из глаз на загорелого блондина в белом, который стоял у дорогого кабриолета, поглядывая по сторонам. Дима тоже когда-то осветлял волосы, и спортивный «БМВ» он мог себе позволить. И в свои сорок с его средствами он запросто мог бы выгладеть лет на тридцать. Но, увы, это был какой-то другой блондин. И ждал он вовсе не Олега. А взгляды, которые бросала на него Ева, могли ему только льстить, не более того. Ни холодно ему от этих взглядов, ни жарко. И Олег понял это, усаживаясь в такси.

К блондину подошел такой же стильный брюнет, они нежно пожали друг другу руки, обменялись милыми улыбками и сели в машину. А разочарован-

ной Еве оставалось только проводить их взглядом. Впрочем, разочарованной она была недолго. Кажалось, этот источник наивного оптимизма ничем нельзя было расстроить.

Ева стояла с мужем на остановке в ожидании трансферта, Пахомов проезжал мимо них, она заметила его, капризно вытянула губки, но жизнерадостная улыбка при этом, странное дело, не покинула ее. Удивительная девушка. Жаль было расставаться с ней.

* * *

Две недели у моря, и никакого улова. Хоть бы какой рак на безрыбье проклюнулся, но — ничего. Отдыхать оставалось всего четыре дня, Олеся уже фактически прощалась с морем, и вдруг птица счастья махнула золотым крылом. Адам подошел к ней прямо на пляже. Сел рядом, улыбнулся, и она пропала. Не улыбка у него, а прямо колдовство какое-то. Он уже не молодой, под сорок, но фигура такая — далеко не всякий молодой с ним сравнится. А сколько в нем шарма...

Но у этого ловеласа помимо подкачанного торса была еще и яхта — большая, под парусом, с матросом на борту. Всю ночь Олеся бороздила с Адамом морскую гладь, но в постель с ним так и не легла. Женщина не возражала, да мужчина не настаивал. Более того, Адам намекнул, что не может так сразу. Если у него с девушкой серьезно, то спешить он не станет.

Вечером они пристали к берегу, и Адам повез Олесю к себе домой. Сказал, что хочет познакомить с матерью. Олеся ошалела от такого счастья. И даже перестала жалеть о том, что знакомство с Адамом застало ее на закате отпуска. Если мужчина знакомит девушку с матерью, значит, собирается жениться на ней, а о таком женихе, как Адам, она могла только мечтать. А с таким мужем она могла забыть о своем Волгодонске, о работе, которая обрыдла.

Ехать пришлось долго — на машине, в горы, по головокружительным серпантинам. Олеся даже стала переживать. Никто не знает, где она, и если Адам похитил ее, то никто и никогда не узнает об этом.

Но Адам ее не похищал. Он привез ее в свой роскошный дом, который находился в горах, там они ужинали при свечах в большой зале со стеклянной крышей, через которую можно было любоваться звездным небом. А звезды на юге крупнее, чем в средней полосе, их больше, они ярче.

А утром Адам познакомил Олесю с матерью. Увы, но это было шуткой с его стороны. Познакомься, сказал, с матерью-природой. Но сказал он это с таким серьезным видом, что у Олеси язык не повернулся выразить возмущение. К тому же мать-природа была необыкновенно красивой.

Дом у Адама находился в горах, в живописном месте. Дом, который руками других людей он довел до совершенства. Это была целая роща из орешника, ее пересекала горная речушка с «вылизанными» берегами. А в пространстве между деревьями можно было играть в гольф, настолько оно было ровным,

с короткой и мягкой травой. По траве можно было бегать босиком без опасения поранить ногу.

— Это в давние времена Ева могла ходить босиком, — с отрешенной улыбкой сказал он. — А у современных Ев ножки нежные, пяточки ранимые.

В ореховой роще не было лавочек, зато встречались пеньки, поваленные деревья, искусно стилизованные под скамейки. На один такой поваленный ствол, вычищенный и покрытый лаком, Адам посадил Олесю. Сам присел на корточки, взял в руки ее ступню, снял с нее босоножку, крепкими пальцами нежно помял пятку. Олеся захмелела от приятных ощущений.

— Хочешь быть Евой? — спросил он.

— Хочу.

— Тогда добро пожаловать в Эдемский сад!

— Это где?

— Здесь. — В его голосе послышалось удивление.

— Я так и поняла, — поправилась Олеся.

— Тебе нужен костюм Евы.

— И где его взять?

— Он у тебя под одеждой.

— Да, конечно.

Олеся гордилась своей фигурой и совсем не прочь была блеснуть ею перед мужчиной, женой которого хотела стать. Тем более он сам разделся, представ перед ней в костюме Адама.

— Пойдем!

Окинув Олесю одобрительным взглядом, Адам взял ее за руку и повел в глубь своего «эдемского сада». Повел по траве. Босиком. Он не обманул: трава

действительно была мягкой и приятной на ощупь, как шелковый ковер.

Они вышли к небольшому озерку с островком в центре, на котором росло одно-единственное дерево. К островку вел кованный мост, по которому они подошли к яблоне. Дерево большое, раскидистое, но на нем не было ни единого яблока.

— Это «древо познания», — совершенно серьезно сказал Адам.

При этом он смотрел на Олесю так, как будто познавал ее — пока только взглядом. Жадным взглядом. Он хотел ее, и это было видно не только по его глазам.

— А где запретный плод? — спросила она.

— Запретный плод будет, когда мы познаем друг друга.

Он взял Олесю за руку, подвел к яблоне, заставил обнять ствол, прижался сзади, пальцами лаская грудь. Она чувствовала, как нарастает его возбуждение, но грядущая буря ничуть ее не пугала.

Глава 2

Улица Морская, дом семьдесят восемь. По этому адресу жил Дима Муляров. Но сколько Пахомов ни давил на кнопку звонка, калитка не открывалась. Только собака рычала за воротами. Именно рычала, а не гавкала. Видно, ее приучили не гавкать. Зона курортная — слева частный мини-отель, справа дом, в котором сдавались комнаты. А между линией домов и набережной — сквер, по которому прогули-

ваются люди. Это хоть и окраина поселка, но лаять здесь нежелательно.

Пахомов взялся за ручку калитки, опустил ее вниз, потянул на себя. И калитка поддалась. Он мог зайти во двор. Но имел ли он на это право?.. А если с Димой что-то случилось? Если он лежит сейчас в доме в состоянии, близком к летальному исходу?

Путь к дому преградила кавказская овчарка — молодая, глупая, но уже профессионально злая. Ее сдерживала цепь, до калитки острые зубы не доставали, к дому не подойти.

Олег спокойно закрыл за собой калитку. Так же невозмутимо вперил в собаку тяжелый взгляд, передавая через него свою внутреннюю силу.

Не так давно ему пришлось иметь дело с живыми волками. Он расследовал убийство в таежной глуши, преступники убили двух оперов из его группы, стреляли и в самого Олега. С пулей в груди он ушел глубоко в лес, там спрятался в волчьей норе. У него уже, казалось, не оставалось сил, когда появилась волчица. Он вступил с ней в схватку без малейшей надежды на победу. Но победил. Потом появилась женщина, лесная колдунья, которая и спасла его. Женщина эта лечила его волчьей кровью. На какое-то время он и сам превратился в лесного волка, это помогло ему справиться с двуногим оборотнем. Сверхсила осталась там, в тайге, но кое-что Пахомов забрал с собой. Волчье чутье, волчий дух все еще присутствовали в нем. И ничуть ему не мешали. Как раз наоборот.